

Г. Ю. ИВАКИН, О. М. ИОАННИСЯН, П. Л. ЗЫКОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ РАСКОПОК ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ В 2005-2008 гг. *

Десятинная церковь в Киеве – памятник древнерусского зодчества, который исследовался много и достаточно тщательно для своего времени и был издан, казалось бы, исчерпывающе [10, с. 9-58]. Во всяком случае, широко известный план М.К. Каргера публиковался повсюду – от фундаментальных монографий до школьных и вузовских учебников. Именно на нем основывалось полтора десятка различных вариантов реконструкций первоначального облика церкви. Из-за сложности ее плана и недостаточной сохранности остатков памятника, дошедших до научного изучения, она осталась одной из самых дискуссионных в истории древнерусского (да и всего византийского) зодчества. Исследователи выдвигали по две-четыре свои различные реконструкции и, в принципе, закономерно признали невозможность единого по-настоящему научно обоснованного варианта памятника. Сколько было куполов и башен, были галереи открытые или закрытые, двух- или одноэтажные и еще множество вопросов пространственной структуры – все это оставалось дискуссионным. Большинство из историков архитектуры сошлись на том, что первоначальный облик церкви сегодня можно представить лишь в самом общем виде, а ее ядро составлял трехнефный шестистолпный крестовокупольный в плане храм, который примерно через полстолетия был окружен с трех сторон галереями.

Господствовало мнение, что копать заново памятник просто незачем – там все уже выяснено и, главное, все расчищено полностью. Следует отметить, что и авторы данного сообщения вполне разделяли эти мысли. Но судьба (точнее, общественная ситуация) распорядилась так, что в 2005 г. Архи-

* Статья выполнена в рамках совместного научно-исследовательского проекта РГНФ-НАНУ «Десятинная церковь в Киеве – первый памятник каменного зодчества Древней Руси: история, архитектура, археология», проект № 07-01-91108а/26-07/Укр.

тектурно-археологической экспедиции Института археологии НАН Украины пришлось развернуть новые исследования. К совместной работе сразу же были привлечены специалисты по древнерусской архитектурной археологии из Санкт-Петербурга (Сектор архитектурной археологии Государственного Эрмитажа – О.М. Иоаннисян, П.Л. Зыков, Д.Д. Ёлшин) и Львова (Ю.В. Лукомский).

С раскопок Десятинной церкви в 1824 г. началось изучение каменной архитектуры Древней Руси, впрочем, отсюда происходит и вся древнерусская городская археология. Поэтому напомним об истории церкви и ее первых исследователях. Достаточно обширная историография, собранная еще такими специалистами в области древнерусской архитектуры, как М.К. Каргер и П.А. Раппопорт, избавляет нас от излишне подробного упоминания и ссылок на известную большинству исследователей литературу. Добавим лишь несколько работ последних лет, где она приведена в достаточно полном виде [6, с. 29-39; 8, с. 191-213].

Церковь Богородицы Десятинную заложили сразу после принятия христианства на Руси, а уже в 996 г. ее торжественно освятили. Правда, французский исследователь К. Цуккерман недавно (сентябрь 2008 г.) высказал на основании анализа сообщений летописи сомнение в последней дате, полагая, что оно происходило где-то в первом десятилетии XI в.

До создания Софийского собора Десятинная церковь оставалась главным храмом Руси. Ее строительство являлось делом общегосударственной важности, а храм сыграл ключевую роль в церковной и культурной жизни страны. В 1240 г. церковь не была полностью разрушена. Сильное сомнение вызывает и распространенное мнение, выдвинутое тем же М.К. Каргером, что она рухнула под ударами стенобитных орудий монголов. Последним незачем было тратить усилия на руинирование почти двухметровых стен. Они вполне могли просто поджечь многочисленные двери собора, как они сделали перед этим с Успенским собором во Владимире на Клязьме, который стоит и в наши дни. Да и вообще, как отметил А.П. Толочко, сообщения об обороне на крышах церквей появились лишь в Галицко-Волынской летописи, и все они явно заимствованы из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. От себя добавим, что каждый, кто лично побывал на крышах древнерусских купольных храмов, отметил бы и явное неудобство для эффективной обороны и просто для наличия какой-либо массы народа с «товарами».

Во всяком случае, Десятинная церковь упоминается и даже описывается в известном памятнике 90-х годов XIV в. «Список русских городов, дальних и ближних» в разделе «А се грады Киевские» [16, с. 475]. В храме, существовавшем на ее месте в XIII-XV веках, хранилась древняя икона Богородицы, перевезенная в 1500 г. в Петропавловский собор Минска [17, с. 119-120, 258] в 30-х годах XVII в. В 1635 г. киевский митрополит Петр Могила «приказал Десятинную церковь пресвятой Девы выкопать и открыть дневному свету». Он

использовал древние руины для «реставрации» и устройства в юго-западном углу древнего храма небольшой церкви Рождества Богородицы, просуществовавшей до 1828 г. «Раскопки» Петра Могилы с определенной степенью условности можно считать и первыми в истории археологии раскопками древнерусского архитектурного памятника, произведенными, пусть не в научных, а в церковно-политических целях.

В 1828 г. по проекту В.П. Стасова возвели новую церковь, занявшую лишь часть площади древнего храма, но значительно уничтожившую остатки еще сохранявшихся тогда стен и фундаментов.

Церковь конца X в. была посвящена Богородице, а не какому-то из отдельных ее праздников (Рождества или Успения), о чем определенно говорил сам князь Владимир: «призри на церковь сию, юже создахъ, недостойный раб твой, в имя рожьшая тя Матере приснодевья Богородица». Такое посвящение было широко распространено в Византийской империи, особенно на Балканах.

В 1824 г. по инициативе митрополита Евгения (Болховитинова) археолог-любитель и мистик К.А. Лохвицкий начал первые раскопки храма, но их методика и качество фиксации были настолько несовершенными, что побудили Императорскую академию художеств направить в Киев «художника 14 класса» Н.Е. Ефимова, который в 1826 г. провел новые раскопки и составил подробный план памятника, значительно больше отвечающий действительному положению дел.

В 1908-1911 годах не попавшие под здание XIX в. части древнего храма вновь раскопал Д.В. Милеев. Его исследования признавались образцовыми по методике и фиксации, однако неожиданная смерть ученого в 1914 г., начавшаяся мировая война, а затем революция и гражданская война не дали завершить обработку полученного материала. Документация оказалась разбросанной по различным архивам и использовалась далеко не полностью. Тот же М.К. Каргер ввел в научный оборот многое, но далеко не все. Он выбирал только беловые чертежи и атрибутированные фотографии.

Остальную часть постройки X в. раскрыл М.К. Каргер в 1938-1939 годах после разборки стасовского здания 1842 г. Эти раскопки показали, что кладка стены сохранилась лишь на участке юго-западного угла храма, а фундаменты – преимущественно на трассах южной и западной галерей. От остальных фундаментов сохранились лишь рвы и следы деревянных субструкций.

Выполненные в 1938-1939 гг. тщательные обмеры М.К. Каргер привязал к выявленным планам Д.В. Милеева и создал свой сводный план-реконструкцию фундаментов Десятинной церкви, ставший хрестоматийным. Именно он лег в основу всех известных ныне реконструкций храма X в. Но необходимо подчеркнуть, что этот план М.К. Каргера не является обмерным и в нем присутствуют существенные элементы реконструкции.

Учитывая важнейшее значение Десятинной церкви в истории древнерусской архитектуры, историко-архитектурная интерпретация этого памятника является одним из ключевых вопросов истории не только древнерусского зодчества, но и всей восточно-христианской архитектуры в целом. Помимо самого М.К. Каргера, к проблеме историко-архитектурной интерпретации Десятинной церкви и определения ее места в истории древнерусской и византийской архитектуры обращались многие исследователи. Уже в начале XX в. после раскопок Д.В. Милеева эту проблему поднимал Д.В. Айналов, а после раскопок М.К. Каргера к ней обращались К. Конант, Н.И. Брунов, К.Н. Афанасьев, А.И. Повстенко, Г.Ф. Корзухина, Н.В. Холостенко, А.И. Комеч, Г.Н. Логвин, Ю.С. Асеев, П.А. Раппопорт, а в относительно недавние годы Н.Г. Логвин, А.В. Реутов и И.С. Красовский. Эти работы хорошо известны в историографии, и нет необходимости на них останавливаться [1, с. 21-30; 2, с. 28-35; 3, с. 170-174; 11, с. 168-178; 12, с. 78-90; 13, с. 185; 14, с. 149-156; 15, с. 98-107; 19, с. 31; 20, с. 32-34].

И все же, несмотря на пристальное внимание исследователей, Десятинная церковь до сих пор представляет собой наиболее загадочный памятник древнерусского зодчества, проблемы историко-архитектурной интерпретации которого решаются различными авторами совершенно по-разному, а, нередко, и со взаимоисключающих позиций. Во многом это определялось не только сложностью плана здания, но и степенью его сохранности, а также несчастливой судьбой документации и материалов исследований. По разным причинам они оказались разбросанными по архивам и фондам Киева, Санкт-Петербурга, Москвы, Великого Новгорода и даже Одессы. Часть из них все еще не введена в научный оборот, многое нуждается в надежной атрибуции. Так, только недавно выявлены план, созданный Г.Ф. Корзухиной на базе материалов Ф.М. Мовчановского, погибшего в лагерях, и полевые дневники Д.В. Милеева. Ведется большая работа по выявлению и сбору всего материала по раскопкам Десятинной церкви и созданию единого электронного банка данных по этому вопросу.

Среди комплекса проблем, связанных с Десятинной церковью, прежде всего, выделяются вопросы о синхронности возведения всех частей здания, о реконструкции плановой и объемно-пространственной структуры, а также о происхождении зодчих и строителей, создавших храм.

Раскопки 2005 г. раскрыли большую часть церкви – фундаменты западной и южной галерей (рис. 1), а также все участки сохранившихся внутренних ленточных фундаментов. В центральном ядре не сохранилось ни одного участка каменной кладки фундаментов, а пространство материка между фундаментными рвами оказалось зачищено М.К. Каргером до их подошвы и ниже. Но следы и отпечатки деревянных субструкций фундаментов сохранились и дают возможность читать план здания (рис. 2). Выполнена тщательная фиксация всех остатков – каждого камня, плинфы, шва, трещины. Взято для

анализа до трех сотен проб строительных материалов. Все участки, различающиеся по камню, раствору, типу плитки нанесены на обмерные чертежи. Уже начало работ показало наличие не затронутых предыдущими раскопками участков. В комплексе с новыми находками архивных материалов это существенно скорректировало план ведения раскопок и дало возможность более глубокого их понимания.

Стратиграфический разрез вдоль южного фасада, бровки центрального ядра храма, к северу и востоку от него выявили новые следы языческого курганного могильника X в., существовавшего до постройки храма.

Сохранившиеся фундаменты Десятинной церкви делятся на две группы. Первая – это фундамент западной галереи, отличающийся использованием серого песчаника. К другой группе относится фундамент южной галереи, где преобладает красный кварцит. Фундамент юго-западного угла на 0,8 м глубже фундамента у северо-западного угла из-за падения материка.

Зафиксированы яркие следы разных ремонтов и перестроек X–XII вв. Во рву древнейшего городища выявлены блоки X в. Обнаружены блоки с плиткой, близкой кладке Софийского собора, что говорит о ремонте или перестройке в 30-х годах XI в.

Еще более красноречиво о большом ремонте говорит кладка юго-западного угла здания, который был переложён практически до основания. М.К. Каргер принял эти ремонтные кладки за остатки церкви Петра Могилы и датировал их XVII в. Исследования показывают, что ремонт произошел в первой трети XII в., скорее всего, после одного из многочисленных землетрясений. В кладке находится плитка, наиболее близкой аналогией которой является плитка Михайловского Златоверхого собора (1108 г.). Повторно использовались архитектурные детали из резного камня и плитка X в. Но, как и другие ремонты, эта перекладка выполнена без изменения плановой структуры здания и по старой трассе фундаментов.

Этой же реконструкцией можно объяснить и различия северо-западного и юго-западного углов здания. Первый изначально имел крестообразно расположенные угловые пилястры, западная из которых выступает на 1,05 м, а северная – на 1,75 м, играя роль своеобразного контрфорса. На юго-западном углу фундамент образует фигурный выступ, который отвечает форме угловой пилястры без закрестия, что характерно для форм XII в.

Интересные данные дал раскоп в южной апсиде, где оказалась неожиданной сравнительно хорошая сохранность подошвы ее фундаментов. Первоначально был вырыт сплошной прямоугольный котлован под всю площадь апсид на глубину около 2 м от древней поверхности. В нем еще на 20 см углубили фундаменты самих полукружий апсид. Затем дно котлована покрыли двухярусной сеткой деревянных лежней (продольных в нижнем

ярусом, поперечных в верхнем). Лежни закрепили деревянными кольями (рис. 3). Поверх субструкций возвели фундаментные кладки полукружий апсид из колотого кварцита на известково-цемяночном растворе. На остальном пространстве котлована как внутри, так и вне апсид, была устроена сплошная заливка таким же раствором, а затем произведена мощная подсыпка землей до уровня пола храма.

Под южной апсидой фундамент заложен глубже, чем в центральной на 0,2 м, а апсидное пространство заполнено массивной забутовкой кварцитом. Это связано с тем, что при заложении котлована строители столкнулись с большим объектом X в., дно которого располагалось на 0,5 м глубже запланированного дна котлована храма. При раскопках 1908 г. этот объект получил название «дома варяга», или погребение № 109, по М.К. Каргеру. В 2006 г. в тлене сруба найдена половинка дирхема начала X в. (чеканка в Шаше Исмаила I ибн Ахмада (892-907) или Ахмада II ибн Исмаила (907-914)) с граффити в виде креста. Вероятно, в X в. здесь находилось большое, богатое, возможно, княжеское языческое погребение, уничтоженное строительством храма.

Необычный массив кладки из плинфы-сырца на глиняном растворе обнаружен в раскопе VI к востоку от центральной апсиды Десятиной церкви. Кладка лежит плашмя торцевой стороной кирпичей наверх. В ней хорошо читаются параллельные ряды кирпича (наибольшая длина которого 25-28 см при толщине 5-6 см), а также дуги двух расположенных рядом глухих арок.

Важные материалы дают раскопки рва древнейшего городища вблизи северо-западного угла церкви, где зафиксированы сложные деревянно-земляные конструкции, которые идут на большую глубину и до конца еще не раскопаны. Но, главное, по материалу они датируются не ранее середины X в. А это означает, что ров глубиной около 7 м и шириной более 12 м в это время функционировал. Это опровергает распространившиеся в последнее время представления, что Старокиевская гора вплоть до самого конца X в. представляла собой сплошной курганный языческий могильник. За рвом обнаружена небольшая братская могила 1240 г.

Тщательное изучение фундаментов и наблюдения над уровнем и характером заложения деревянных субструкций позволили выявить последовательность устройства отдельных участков фундаментов, показали, что и основной объем храма, и западные его компартименты, и галереи были возведены поэтапно, но в рамках одного строительного процесса конца X в.

Сначала были врыты рвы фундаментов центрального объема без нартекса. Затем началось устройство поперечных фундаментных лент, идущих от фундаментов боковых стен основного объема в направлении стен северной и южной галерей, а внешние стены которых были заложены уже на следующем этапе. Такая необычная последовательность устройства фундаментов,

возможно, свидетельствует о том, что строительство галерей началось в то время, когда стены и опорные конструкции в основном объеме уже возводились, и их потребовалось укрепить арками или аркбутанами, под которые и были устроены поперечные ленты фундаментов. И только после этого были сделаны продольные фундаменты внешних стен северной и южной галерей, замкнувшие периметр здания в габаритах основного объема с нартексом. Затем боковые галереи были продолжены в западном направлении, и лишь на завершающем этапе была замкнута западная линия галерей, сформировавшая окончательные габариты здания в целом (рис. 4-6).

Характер фундаментного рва, идущего по линии восточных столбов, дал возможность сделать очень важный вывод. Еще Д.В. Милеев показал, что строители церкви выкопали этот ров, но фундамент в него заложен так и не был. Это говорит об изменении первоначального замысла зодчих уже в ходе устройства фундаментов. Отсутствие этого фундамента свидетельствует, что стены, отделяющей наос от алтаря и пастофориев, не существовало. А это означает, что у наоса не было и сводов, которые опирались бы на эту стену и шли в направлении, перпендикулярном продольной оси храма. При отсутствии указанной стены, своды боковых нефов могли идти только в направлении, параллельном своду центрального нефа. Следовательно, Десятинная церковь в 989-996 годах представляла собой не крестовокупольный храм, а базилику, скорее всего, купольную с трансептом (крестообразную купольную базилику, по К. Конанту).

М.К. Каргер не обратил внимания на особый характер этого рва и на своем сводном плане обозначил его пунктиром. Г.Ф. Корзухина и П.А. Раппопорт показывали его уже сплошной линией, а другие исследователи, использовавшие его план, попросту не придавали ему значения. Никогда не существовавший фундамент превратился в факт, а крестовокупольность Десятинной церкви из предположения М.К. Каргера стала почти не оспариваемым научным фактом.

В реальности дело обстояло намного сложнее. Устройство рва для поперечной ленты свидетельствует о том, что в первоначальный замысел строителей все же входило создание именно крестовокупольного храма. Что же заставило их отказаться от первоначального замысла? Возможно, уточнение княжеского заказа, смена или привлечение других зодчих, другие причины.

К концу X в., когда строился христианский храм, который должен был стать не просто церковью при княжеском дворе Владимира, а первой общезначимой христианской святыней Руси, константинопольская архитектура уже полностью переходит к строительству крестовокупольных храмов небольшого размера. Навык строительства больших храмов в столице Византии уже утрачивается, однако он продолжает существовать на периферии империи, где такие храмы строятся как базилики или купольные базилики. Возможно, строи-

тели Десятинной церкви учли особые требования к созданию храма и по ходу строительства изменили первоначальный замысел. Такие ситуации в практике византийского строительства не редки. О том, что в ходе возведения Десятинной церкви строители отказывались от первоначального замысла и искали форму здания непосредственно в ходе строительства, свидетельствуют и блоки кладки X в. из рва Старокиевского городища. Сам характер этих блоков, на которых подрезка швов настолько четкая и свежая, свидетельствует о том, что участки кладки, из которых они происходят, просуществовали очень недолго – если бы эти участки кладки находились под открытым небом в течение хотя бы нескольких лет, они успели бы обветриться. Окончательная засыпка рва происходила как раз во время возведения храма и создания ансамбля дворцов «города Владимира» в конце X в.

Мысль о том, что Десятинная церковь является примером сложного процесса поисков архитектурной формы и изменения замысла еще в процессе строительства, уже высказывалась в науке (Г.Ф. Корзухина, А.И. Повстенко, А.В. Реутов, И.С. Красовский), но не получила поддержки, поскольку не могла быть доказана из-за отсутствия артефактов. Новые раскопки такую возможность предоставляют.

Это же относится и к предположениям о базиликальности Десятинной церкви. Впервые мысль об этом высказал еще Д.В. Айналов, однако ее решительно отверг М.К. Каргер, окончательно утвердивший в науке мнение о Десятинной церкви как о крестовокупольном храме. Некоторые черты базиликальности, но в сочетании с решением всего объема церкви все же в рамках крестовокупольной системы, позднее видел А.И. Комеч. Еще более четко высказался об этом А.В. Реутов, считавший, однако, что базиликальность была присуща лишь первому, невоплощенному, замыслу.

Раскопки 2005-2008 гг. свидетельствуют, что Десятинная церковь задумывалась именно как крестовокупольный храм, но уже в процессе самого строительства замысел изменили и превратили в базилику с развитой инфраструктурой. Стоявшая перед строителями сложная задача создания грандиозного здания, практически невыполнимая в конце X в. в формах крестовокупольного храма, была решена за счет использования большого количества дополнительных компартиментов, соединенных в итоге в единое сооружение.

Такой почерк построения архитектурной формы весьма близок византийской архитектуре X-XI вв. в ее провинциальном варианте. Наиболее близок принцип построения архитектурной формы Десятинной церкви памятникам I Болгарского царства. Буквальной аналогии здесь нет и быть не может – ведь в окончательном своем виде каждая из этих построек была индивидуальной и не копировала другую. Важно другое: практически все болгарские храмы этого времени строились как базилики и вскоре (или в процессе

самого строительства) начинали обрастать развитой инфраструктурой. С болгарскими памятниками Десятинную церковь роднит и схожая система устройства фундаментов и, особенно, субструкций под ними.

О возможном «болгарском следе» в истории строительства Десятинной церкви говорят и две плинфы X в. из засыпки рва Старокиевского городища. На них еще перед обжигом были нанесены две славянские буквы «ЩН» (рис. 8). Вряд ли среди первых русских строителей церкви были уже настолько образованные гончары-плинфodelы, которые бы оставили на плинфе надпись. Скорее всего, они могли быть оставленными мастером из Болгарии.

На Владимира могли оказать воздействие и виденные им церковные постройки в византийском Херсоне. Как раз в X в. в Крыму шло активное строительство и перестройка больших базиликальных храмов, что могло сказаться и на выборе окончательной формы Десятинной церкви. В «базилике 1935 г.» в Херсоне подобное же устройство фундаментов с системой деревянных лежней и кольев [5, с. 90; 21, с. 61].

В распоряжении князя Владимира, развернувшего в Киеве активную строительную деятельность, оказалась большая строительная артель, которую летопись назвала «мастерами от грек», однако под этим могли подразумеваться не только греки из Константинополя, а представители Византийской империи вообще. Среди них могли быть и столичные, и провинциальные (греческие, македонские, крымские, болгарские) мастера.

Уже сейчас исследования дают возможность сделать выводы, во многом корректирующие устоявшиеся взгляды.

Главным результатом новых исследований Десятинной церкви стало установление этапов ее возведения. Удалось окончательно доказать, что возведение храма заняло не два, а один строительный период с 989 по 996 гг. (или несколько позднее, если прав К. Цукерман, но это не имеет принципиального значения для самого строительства). В начале XI в., а затем в первой трети XII в. происходили лишь какие-то достройки (возможно, закрывались и надстраивались галереи) и ремонты храма, которые сказывались на его объемной композиции, но не меняли уже сложившейся плановой структуры здания.

В то же время сам ход строительства храма разбивается на ряд этапов, связанных с поиском ее создателями композиции церкви (рис. 7). Причем, на одном из самых ранних этапов ее создания происходит изменение первоначального замысла, повлекшее за собой разборку уже возведенных частей. При этом самое важное изменение связано с изменением объемно-пространственной структуры здания: отказ от устройства восточного поперечного фундамента свидетельствует о том, что церковь, задуманная сначала как крестовокупольный храм, стала возводиться как купольная базилика.

Выявление этапности возведения памятника, а также установление факта изменения его замысла в процессе строительства, вместе с изучением его строительных материалов дало возможность по-другому поставить вопрос о происхождении мастеров, создавших храм. Результаты новых исследований памятника заставляют отказаться от признания исключительной роли константинопольских мастеров в создании храма. Несомненно, что столичные мастера были среди создателей Десятинной церкви. Об этом говорит и характер найденных блоков ее стеной кладки, устроенной в технике со скрытым рядом, бывшей «визитной карточкой» константинопольских строителей, и характер пластической разработки фасадной плоскости стен двухступчатыми нишами, и наличие греческих клейм на плинфах, да и сама идея строительства крестовокупольного храма, лежавшая в основе первого замысла строительства. Все это показывает на Константинополь как на родину «мастеров от грек», начавших создавать храм. Однако, изменение первоначального замысла с крестовокупольного на базиликальный свидетельствует о том, что вскоре ведущая роль в строительстве церкви переходит уже к другим мастерам, связанным с традициями балканских провинций империи, до конца X в. входивших в состав I Болгарского царства (Северной Греции, Македонии, Болгарии). Именно там в это время основным типом храмового здания является не крестовокупольный, а базиликальный (церкви в Скрипу и на озере Преспа в Северной Греции, базилики в Охриде, Плиске и Преславе), а для декоративного убранства интерьера использовались поливные керамические плитки (Преслав), там встречается схожая система фундаментных субструкций (Плиска). Наиболее близкими аналогиями Десятинной церкви являются малые базилики Плиски (базилики №№ 24 и 25) и церковь Гебеклиссе в Преславе.

О возможных болгарских корнях какой-то части создававших Десятинную церковь мастеров говорят и поливные керамические плитки, использовавшиеся для убранства ее пола. Небольшие фрагменты таких плиток находили и в ходе предыдущих исследований памятника, но в 2006 г. найдена серия поливных плиток, явно имитирующая систему набора пола из мрамора и смальты, которая была применена в этом памятнике в частях, безусловно датируемых X в. Характер формовки и обжига плиток, найденных в 2006 г., находит себе полные аналогии в плинфе, относящейся к самому начальному этапу строительства Десятинной церкви, и не вызывает сомнения в том, что эти плитки также следует датировать X в. Однако в это время использование поливной керамики для декорации архитектурных сооружений в христианском мире практиковалось только в Болгарии (преславская школа [2, с. 119-125]), откуда эта традиция, по всей видимости, и приходит на Русь [9, с. 25-31].

Близость болгарских памятников Десятинной церкви снова возвращает нас к рассмотрению проблемы начала церковной организации на Руси в эпоху

князя Владимира. Тут следует вспомнить и о теснейших связях, которые существовали между Русью и Болгарией в X в. в годы правления Святослава, да и самого Владимира, и про сильную кирилло-мефодиевскую традицию на Руси, на которую указывает все большее количество археологических фактов и находок предметов личного благочестия, происходящих из Среднего Подунавья. Вспомним известные археологические параллели между болгарским Преславом и древнерусским Переяславлем и даже явные параллели в происхождении названия последнего, и, наконец, даже то обстоятельство, что после крещения Руси официальным богослужебным языком в ней становится именно болгарский (церковно-славянский). О возможной связи древнерусской и болгарской церкви в это время говорит и то, что первой реликвией Десятинной церкви становятся мощи папы римского Климента, особо почитавшиеся в Охриде. В связи с этим следует вспомнить и старую, высказанную еще в начале XX в., гипотезу М.Д. Приселкова о возможном подчинении первых русских священников болгарской (охридской) церкви, во главе которой стоял независимый от Константинополя архиепископ. Отметим, что именно в Македонии существовало много церквей, посвященных Богородице, а не одному из Богородичных праздников. Следует вспомнить и о том, что о возможном участии болгарских мастеров в создании Десятинной церкви высказывался и М.К. Каргер, однако в то время уровень изученности как болгарских, так и древнерусских памятников не давал исследователю возможности придти к более определенным выводам.

Все сказанное выше заставляет нас рассматривать Десятинную церковь не как отправную точку в истории непрерывного процесса развития древнерусского зодчества на протяжении последующих столетий, а как ее своего рода предысторию, и вновь вернуться к оценке этого памятника, данной еще в самом начале XX в. Д.В. Айналовым, писавшем: «Десятинный храм до настоящего времени является скорее красивой легендой нашей художественной древности, чем историческим звеном в цепи других звеньев киевского искусства» [1, с. 21].

Авторы прекрасно осознают, что многие изложенные в статье тезисы носят предположительный характер – полевые исследования и осмысление полученных материалов еще продолжаются – и окончательные выводы можно будет сделать только после полного завершения раскопок и комплексной обработки новых фактов вместе со всеми данными исследований XIX-XX веков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д.В. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира // Сборник в память равноапостольного князя Владимира. Пг., 1917.
2. Акрабова-Жандова Ив. Преславска рисувана керамика // История на българското изобразително изкуство. Т. I. София, 1976.

3. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. Киев, 1982.
4. Афанасьев К.Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.
5. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935-1936 гг. Симферополь, 1938.
6. Гордієнко Д.С. До хронології побудови Десятинної церкви в Києві // Праці центру пам'яткознавства. Київ, 2005. Вип. 8.
7. Гордієнко Д. Малюнок А. Ван Вестерфельда як джерело до реконструкції образу Десятинної церкви в Києві // Софійські читання. Київ, 2007.
8. Івакін Г.Ю., Іоаннісян О.М. Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005-2007 рр. // Дньєслово. Збірка праць на пошану академіка П.П. Толочка. Київ, 2008.
9. Иоаннисян О.М. О происхождении традиции убранства полов поливными керамическими плитками в средневековой архитектуре славянских стран (Преслав-Киев-Гнезно) // Средневековая архитектура и монументальное искусство. СПб., 1999.
10. Каргер М.К. Древний Киев. Т. II. М.; Л., 1961.
11. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.
12. Корзухина Г.Ф. К реконструкции Десятинной церкви // СА. 1957. № 2.
13. Красовский И.С. Реконструкция плана фундаментов Десятинной церкви в Киеве. // СА. 1984. № 3.
14. Красовский И.С. О плане Десятинной церкви в Киеве // РА. 1998. № 3.
15. Красовский И.С. Реконструкция архитектурного облика Десятинной церкви. // Археологія. 2002. №4.
16. Новгородская I летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950.
17. Петров Н.И. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897.
18. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси: X-XII в. СПб., 1913.
19. Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
20. Реутов А. До проблеми реконструкції Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинної в Києві. Київ, 1996.
21. Седикова Л. Базилика 1935 года // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клениной, С.Г. Рыжова. Т. I. Poznań, 2004.

Ivakin G. Yu., Ioannisian O. M., Zykov P. L.

Preliminary Results of the Excavations of Dessiatine Church in 2005-2008

Summary

The results architecture-archaeological studies of one of the most well-known monuments of old Russian architecture – Dessiatine Church in Kiev are examined in this article. The excavations in 2005-2008 testify to the fact that Dessitiane Church was planned as a cross-shaped cupola church but in the process of building the plan was changed and it was turned into a basilica. The main results of new research of the Dessitiane Church were establishing the stages of its erection. It was proved that the process of building the church occupied not two but one building period from 989 till 996. At the beginning of the 11th century, and, later, in the first third of the 12th century some building works (probably, galleries were closed and were built over) and some repair works took place.

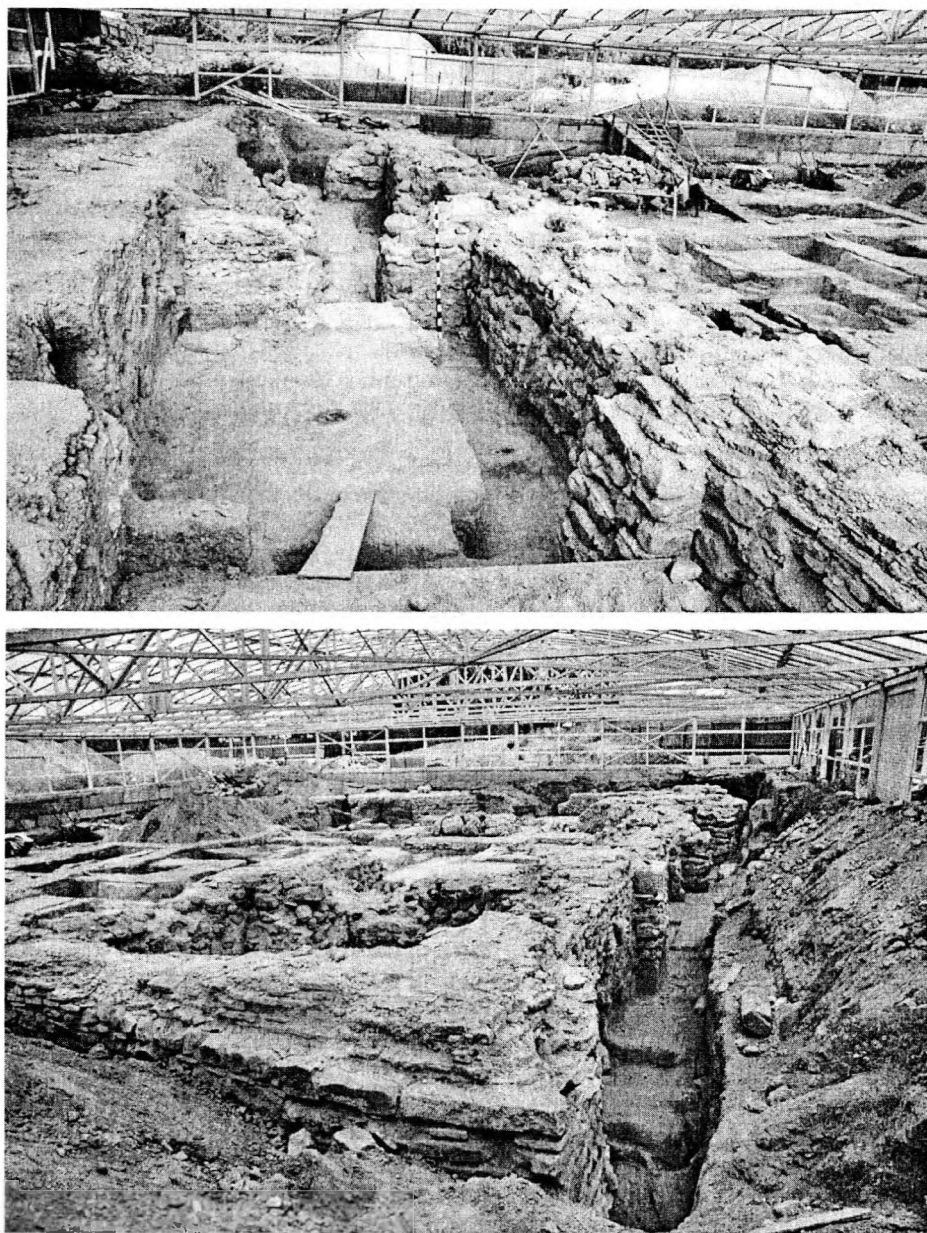

Рис. 1. Южный и западный фундаменты Десятинной церкви.

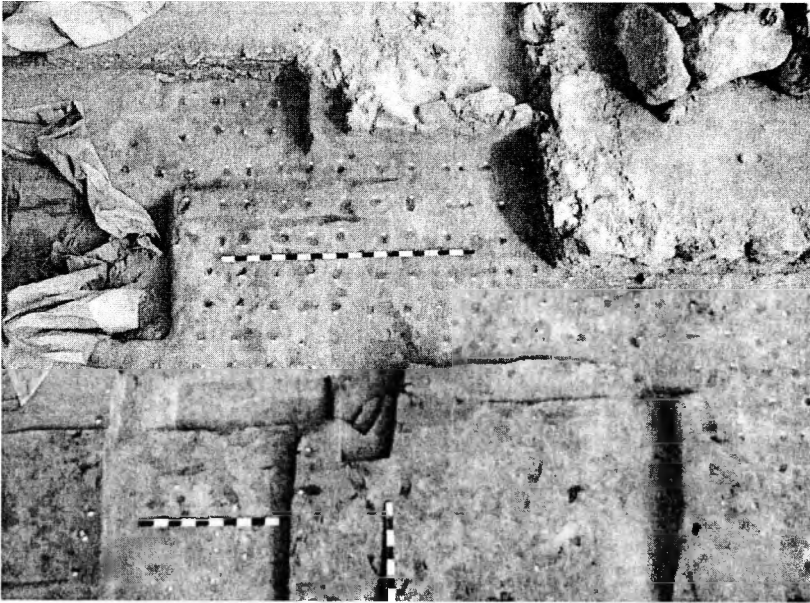

Рис. 2. Следы от деревянных колышек субструкций фундаментов.

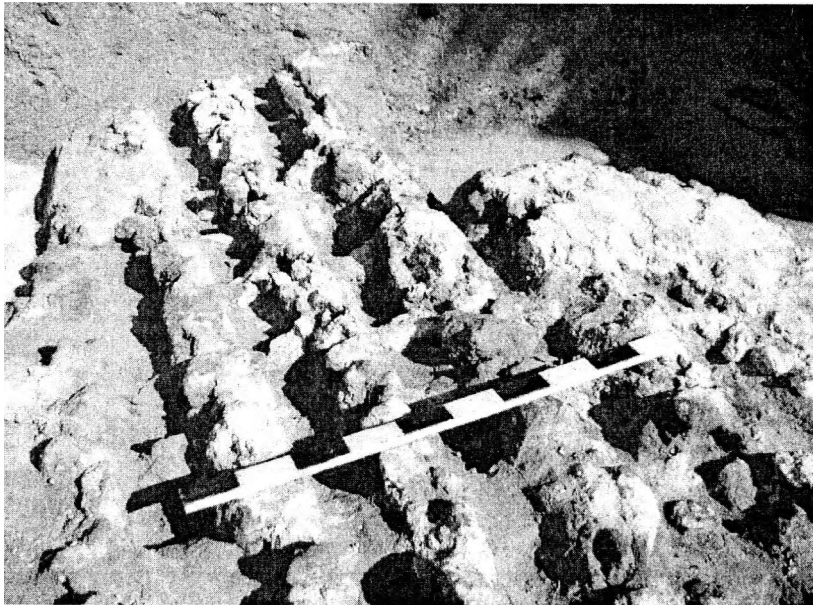

Рис. 3. Следы от деревянных лежней в апсиде.

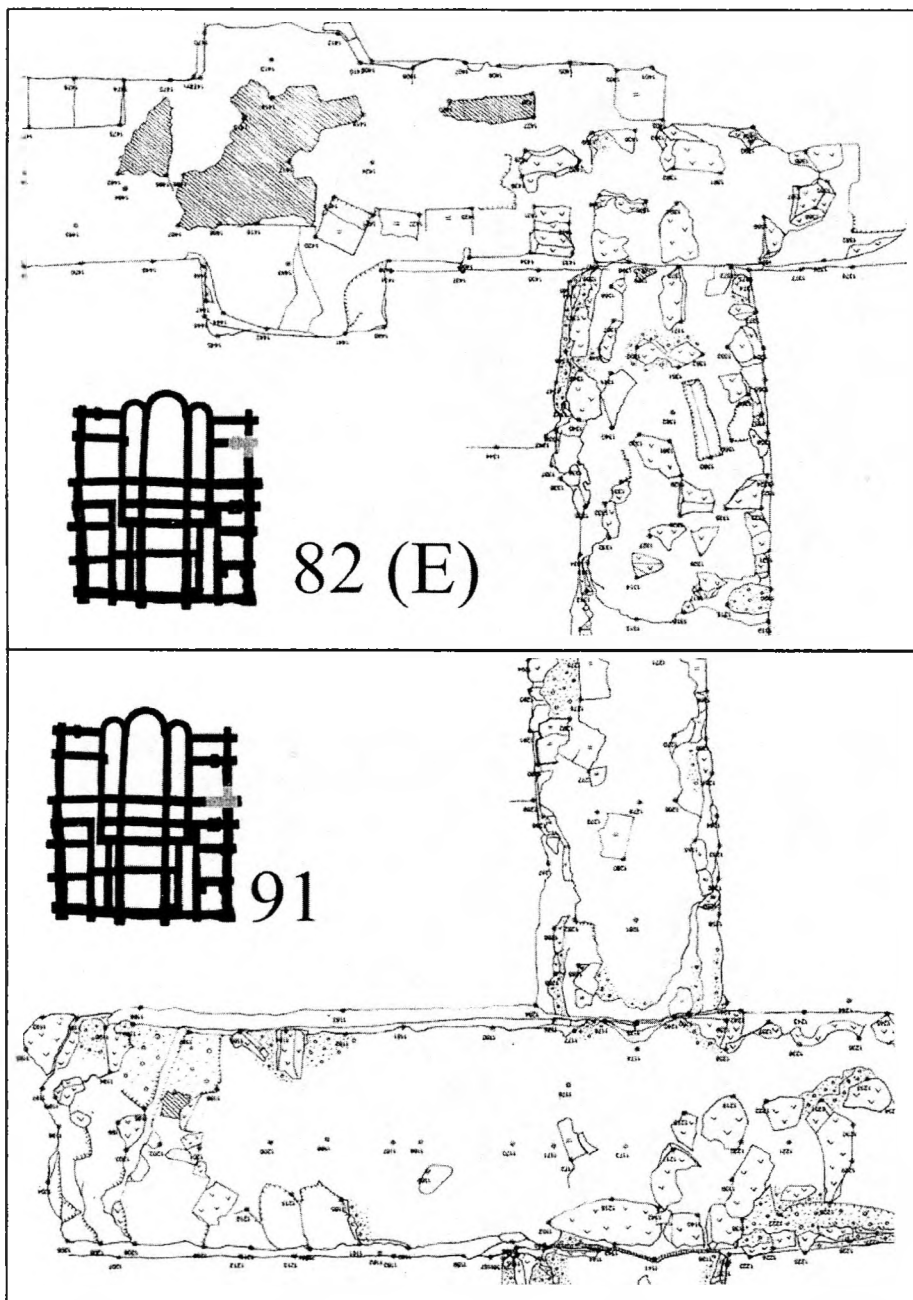

Рис. 4. Фиксация участков кладок при помощи электронного тахеометра.

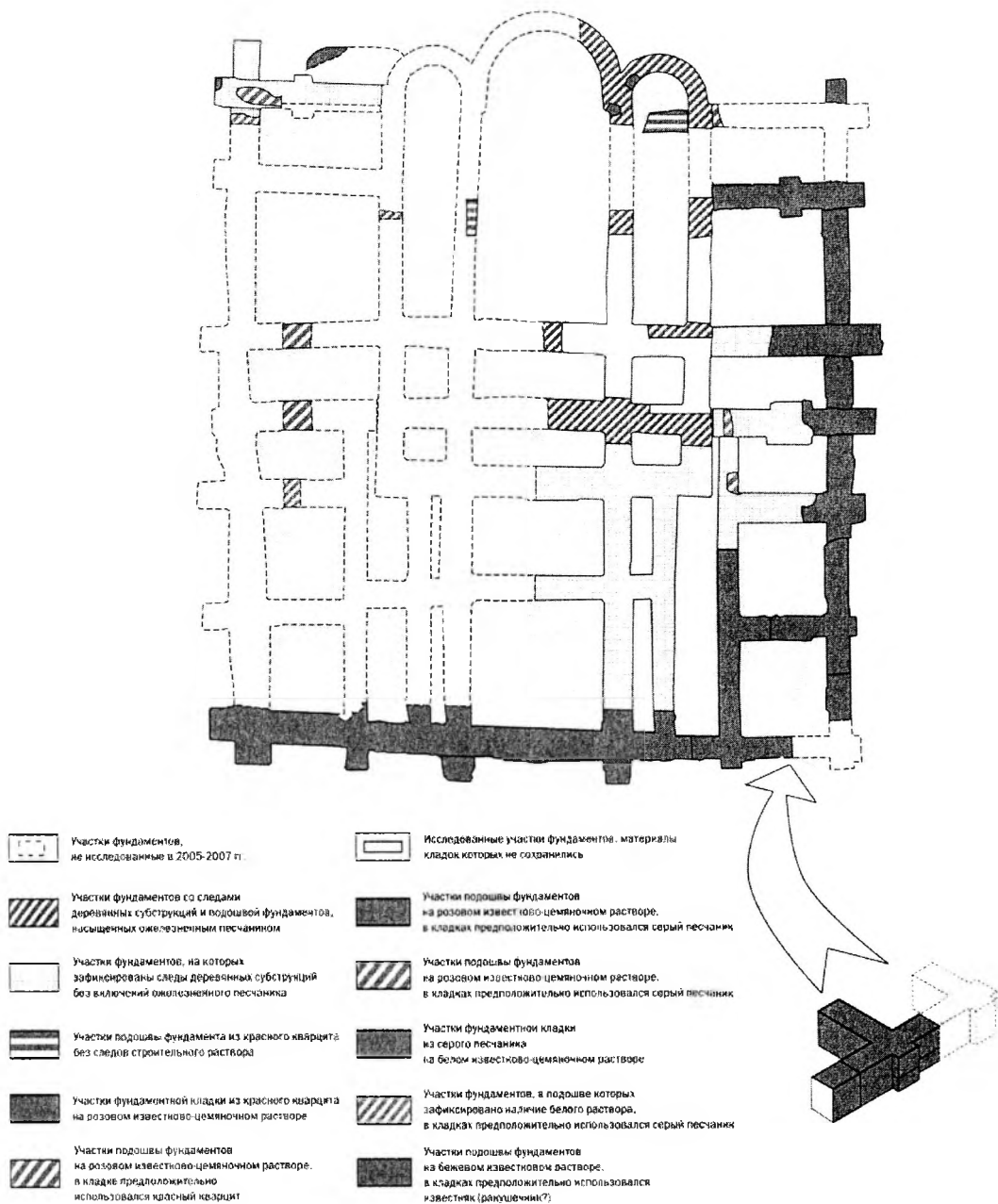

Рис. 5. Схема размещения фундаментов.

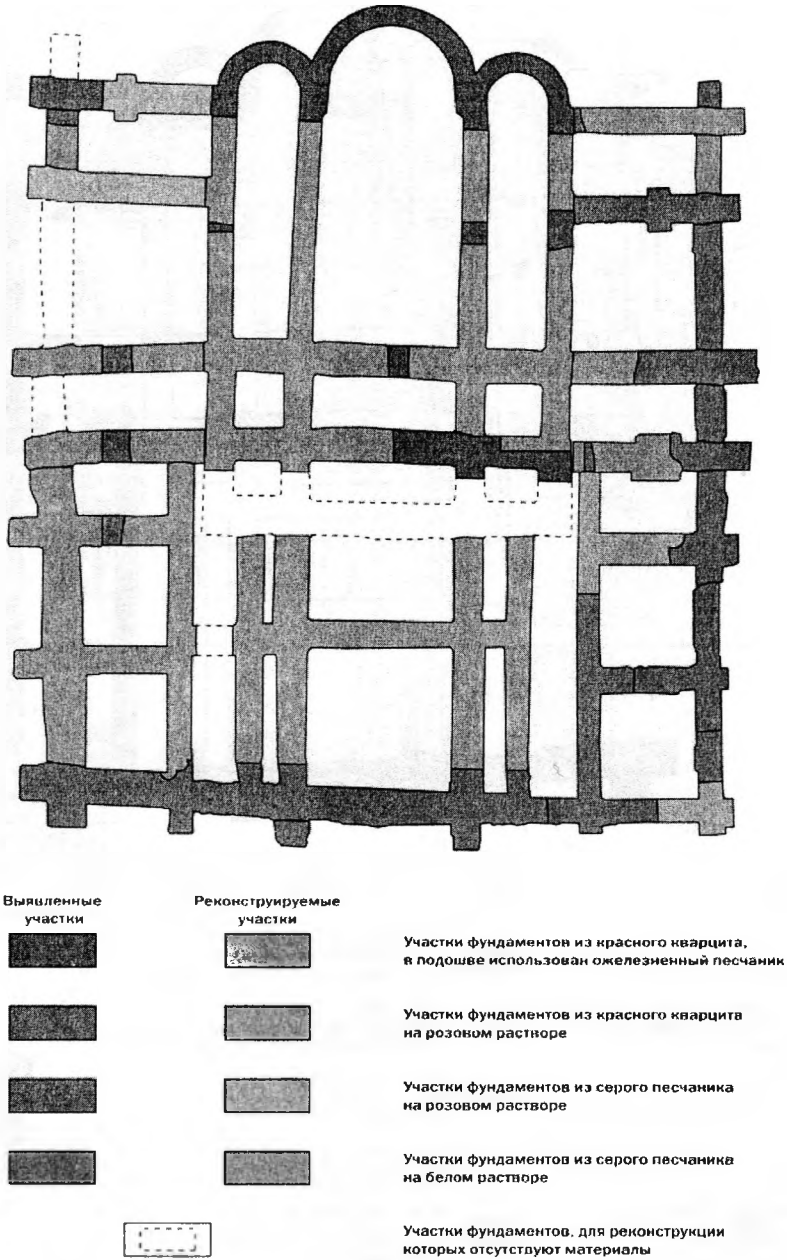

Рис. 6. Схема фундаментов по материалам.

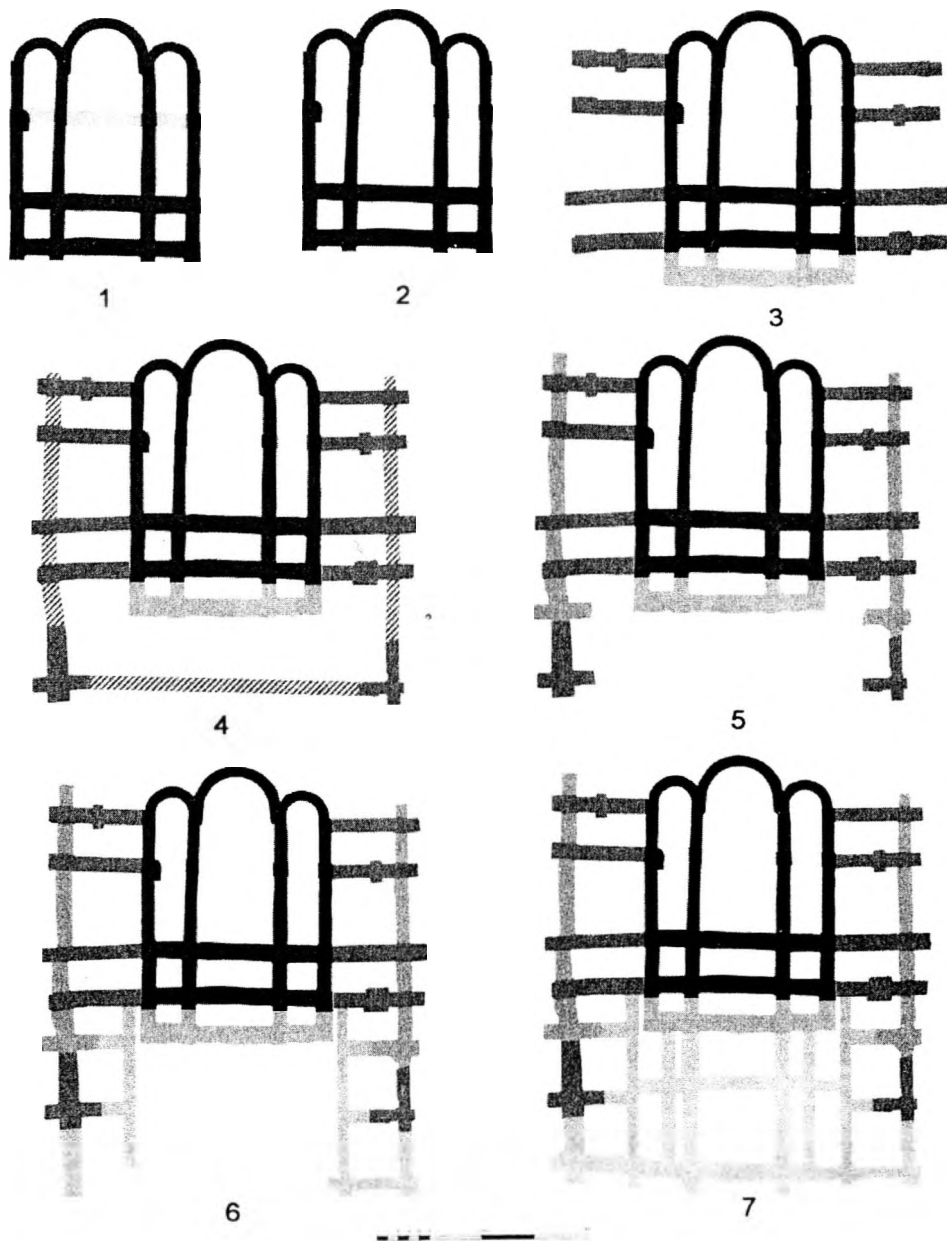

Рис. 7. Схема этапов планировки и строительства.

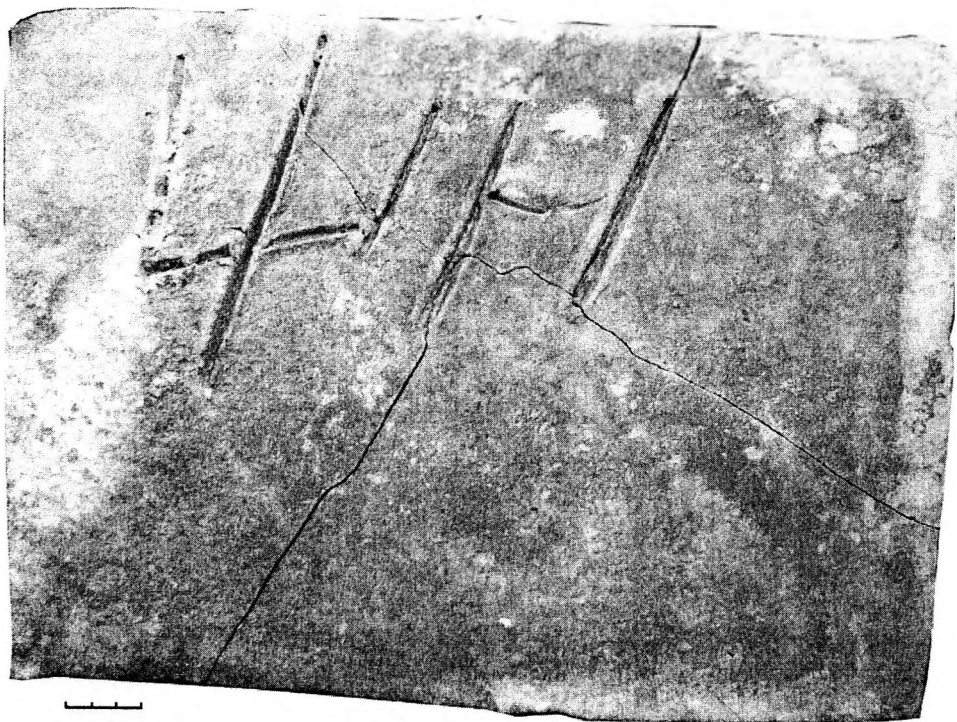

Рис. 8. Плинфа X в. с надписью «ЩН» из рва.